

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Сборник повестей и рассказов о войне... Казалось бы, этот жанр ушел в прошлое. Эпическое и героическое прошлое, победы дедов в войнах, которые известны по советским фильмам...

Война. Она захватывающе смотрится с телеэкранов, когда ты в уютном кресле, а в телевизоре — супергерои занимают суперподвижками...

Когда я задумывал этот сборник, мне хотелось подобрать такие произведения, в которых обычный человек, наш современник, «парень с нашего двора», оказывается в ситуации, когда все моральные и нравственные ценности перевернуты, льется настоящая, а не клюквенная кровь, когда люди — хорошие, близкие, важные — умирают «взаправду». Где проверяется истинность человека.

Потому что война — это страшно, потому что война — это смерть, потому что война — это ситуация, когда маски сброшены и каждый показывает свое настоящее лицо.

Авторы книги пишут о войне на современном языке, и вдумчивый читатель, как мне кажется, сможет увидеть, что смерть — это больно, что, по большому счету, главное в человеке — насколько он Человек.

Книга задумана как своеобразная трилогия о трех войнах. От войны к войне: сквозь Вторую мировую войну, сквозь кровавую первую чеченскую кампанию, сквозь братоубийственную югославскую резню проходят люди, неся в себе то светлое и темное, что с особенной резкостью проявляет это страшное время. Три слова о войне, три взгляда на войну, три войны XX века...

Игорь Знаешев
редактор издательства «Скифия»

P.S. Когда готовилась эта книга, стало известно, что 3 марта 2010 года на 73-м году жизни в Военно-Медицинской академии в Белграде умер один из ее авторов, Момо Капор.

На следующий день на белградской площади Республикки на большом табло бежали бесконечные строки соболезнований:

«Он был великим писателем и еще более великим человеком. Это большая потеря для всех нас. Пусть земля будет ему пухом».

«Думаю, никто не мог написать для меня лучшей книги ...».

«На могу поверить. Целые поколения выросли на его книгах и картинах. Мне неизмеримо жаль».

«Ему удалось то, что редко кому удается — он долго жил, жил хорошо и дышал полной грудью, а потом сумел обеспечить себе место в вечности своими великолепными произведениями».

«Момо Капор воплощал дух времени, которое теперь исчезает, времени, когда книги обладали большим влиянием и много значили, а слово писателя пользовалось уважением и любовью».

«От имени русских читателей Момо Капора выражаю искренние соболезнования его семье. Он оставил след в душе каждого, кто хоть раз держал в руках его книгу».

Соболезнований было много. Ушел из жизни великий человек, великий писатель. Писатель, который очень радовался, что в России его читают, а, главное — понимают. Человек, который написал о себе в автобиографической повести «Хроника потерянного города» так:

Однажды мне понадобилось написать автобиографию. Я написал:

«Моя покойная бабушка Йована, урожденная Петкович, из села Брани Дол над Моском, рано овдовела. У нее было четыре сына.

Старший сын уехал в Америку. Каким-то образом добрался до рудника Гер в Индиане, куда устроился рудокопом.

В 1920 году он погиб на двадцать четвертом году жизни, когда в шахте на его голову рухнула гнилая балка.

В родное село моего отца Мириловичи (почтовое отделение Билеча) прислали американские накопления моего дяди и страховку горнорудной компании.

Прислали и его карманные часы марки «Омега», парадный черный костюм, пять пар воротничков, пару красно-белых туфель с дырочками, гамаши и перламутровые пуговицы для сорочки. Прислали еще и фотографию моего дяди: высокий лоб, светлые подбритые усики, невыразимая тоска во взгляде, пиджак с узкими лацканами, тугой воротничок и гал-

стук-бабочка – все в тонах бледной сепии.

Бабушка разделила имущество между тремя оставшимися сыновьями.

Дочери в расчет не шли. Их у нее было, кстати, три.

Один сын построил новый дом и новый пруд в селе Мириловичи и жил здесь до самой смерти. Во время засух только в нашем пруде бывала вода, и все приходили сюда за ней.

Второй сын навсегда уехал на север, в Бачку, на самую венгерскую границу; купил имение и стал самым уважаемым человеком в тех краях.

Третий, мой покойный отец Гойко, которого бабушка, как самого младшего, больше всех любила и единственного отправила в школу, на деньги из Гера, штат Индиана, продолжил образование, стал господином, женился на девушке из старинной сараевской семьи Велимировичей, и таким образом я появился на свет в 1937 году в городе Сараево, где научился отличать Вивальди от Боккерини, скотч от бурбона, Брака от Пикассо (период кубизма), Dom Perignon от Laurent-Perrier, то есть самым важным в мире вещам!

Ели бы гнилая балка на руднике Гер, штат Индиана, незадолго до моего рождения не упала на голову несчастного дяди, я, наверное, никогда бы не стал писателем. В лучшем случае из меня вышел бы пастух, ночной сторож или министр культуры».

Роман Всеволодов

Немецкая девушка

ГЛАВА ПЕРВАЯ ЧАСЫ

Гюнтер искал часы. Их нужно было найти, пока Вольфганг не умер, а счет шел на минуты.

— Подарок... жены... Гелли. Они там, на опушке, где снаряд... где меня... Не хочу, чтоб они там...

Найти воронку от снаряда было нетрудно. Вокруг лежали поваленные взрывом деревья. Да и часы — не иголка. Гюнтер подумал, какая она — Гелли, которая сегодня станет вдовой. Наверное, красивая. Здесь, на войне, невозможно представить, что женщины могут быть некрасивыми. Хорошо, что она далеко, и не видит эти часы, над которыми склонился Гюнтер. Их ведь надо снять с руки, валяющейся на земле, — ее оторвало взрывом.

Гюнтер открыл крышку часов. Они все еще идут. Нужно скорее отнести их умирающему Вольфгангу, — это все, о чем он просит, о чем беспокоится, — чтобы не пропал любимый подарок. Иногда человеку так мало надо перед смертью.

ГЛАВА ВТОРАЯ ЦЕРКОВНЫЕ СТЕНЫ

Я очень хочу, чтобы Эльза выздоровела за эти два дня. Послезавтра у нее день рожденья. Грустно, если в свой день рожденья не можешь встать с постели. Я хотела пойти в церковь, помолиться за здоровье моей сестры, которой через день исполнится восемь лет. Попросить Бога, чтобы Он понял — *дети не должны умирать*. Если что и должно уцелеть в этом мире после войны, то только ни в чем неповинные дети. Но я не могу пойти в церковь, потому что ее разбомбили. Трудно жить в мире, который не защищают даже церковные стены.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ПЛОХАЯ ИСТОРИЯ

— Я у Ганса талончик на шнапс поменял, и под его именем в бордель прошел. Свои талончики истратил давно. Видели бы вы Ганса, он к женщинам на пушечный выстрел подойти боится. А я не знал, что уже сразу подцепил. Ну, и наградил им девицу от чужого имени. Она — к начальству. Идут разбираться с Гансом, в учетной карточке имя-то — его. Ганс стоит ни жив, ни мертв, признаться боится. Он с девушкой ни разу не был, хорошо хоть если раз в жизни видел, а тут — ловелас, уже и подцепить, и заразить успел. Как товарищ он хороший, меня не выдал. Но ему лечиться надо. А он — здоров. И он так перепугался, что все откроется, и его еще хуже накажут за обман начальства, что меня спрашивал — как этим делом заразиться.

— Йозеф...Йозеф! — Гюнтер повысил голос. — Все, он уже не слышит. Конец.

Все. Зачем ты это ему рассказывал?

— Потому что ясно ведь было, что мы ничего не успеем, правда? И все, что можно было сделать — это чтоб он улыбнулся. Он мой друг.

— А эта история...Ты все выдумал. Я бывал, знаю. Там и солдатскую книжку спрашивают, и врач перед началом осматривает.

— Я просто хотел, чтоб мой друг улыбнулся. Чтоб ему было не так страшно умирать.

— Но он не улыбнулся. Он даже тебя не слышал.

— Значит, я рассказал плохую историю, — вздохнул Йозеф, — нужно было что-нибудь другое.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ КНИГИ

Эльза просит почитать ей сказку, но у нас в доме больше нет книг. Раньше их было очень много. Мама сожгла их. Если бы не они, отец до сих пор был бы жив. Тогда на площади Бебеля он оказался случайно. Он был профессор литературы, мой папа. И когда на его глазах жгли книги, огромный костер, он не мог не вступить за то, что так любил. Он пришел домой очень расстроенный, и я слышала, он сказал: «Это все равно, что видеть, как на твоих глазах жгут женщину».

Может быть, он до сих пор был бы жив, если бы не начал резко высказываться в адрес тех, кто может позволить себе бросать в костер его любимых писателей. Для папы они были не просто авторы, а живые люди. И он не мог себе простить того, что видел тогда, на площади, как сжигают «живых людей», и ничего не сделал.

Нам с мамой разрешили свидание с ним в лагере. Сидя в комнате ожидания, мы видели в окно, как заключенные строятся на проверку, потом идут на работу. Я все пыталась узнать в этих людях папу. Мы очень долго ждали. Потом нас провели через плац к маленькому домику. Там был открытый гроб. И в нем лежал папа. Мама бросилась к нему, заплакала. А я очень испугалась. Потом мама спросила, отчего он умер.

— Об этом сообщат дополнительно, — сказали нам.
И еще нам сказали, что свидание окончено.

ГЛАВА ПЯТАЯ ЛЫЖИ

Когда я ходила в аптеку за лекарствами для Эльзы, встретила Лени с лыжами в руках. Я сразу поняла, куда она их несет. В эти дни объявлен сбор вещей для фронта. Лени говорит, что война скоро закончится. Она верит в наших солдат. Раньше мы катались на лыжах вместе с Лени.

— А ты уже сдала свои? — спросила она.

— Но... Эльза вырастет, будет кататься.

— Даже Кетрин Крац (наша олимпийская чемпионка) принесла свои лыжи для фронта, ты не слышала? А ты жалеешь, для наших солдат жалеешь?

Когда-то мы сидели за одной партией. Лени давно уже состоит в Союзе немецких девушек. А мой отец умер в лагере из-за антинацистских разговоров. Странно, что мы все еще подруги.

— Сейчас идет война, — говорит мне Лени, — от нас с тобой тоже зависит, когда она кончится. А Эльзе лыжи могут и не понадобиться.

— Почему? — спрашиваю я.

— Потому что она болеет. Может быть, она умрет. Ты сама мне сказала.

И это говорит мне подруга.

Дружба — странная вещь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ АМПУТАЦИЯ

Раненых было все больше, и приходилось делать много операций. Хорошо, что у Гюнтера есть ассистенты. Один из них, Йозеф, до войны работал в транспортном агентстве. После отпуска он сказал Гюнтеру, что видел своего начальника, и тот заявил ему, что когда кончится война, то он, разумеется, возьмет Йозефа обратно на работу. Но платить будет только половину прежней зарплаты.

— И, знаете, почему? Я, говорит, раньше думал, что ты очень умный. И тебе надо платить много. Я ошибался. Умный человек, говорит, не может провести всю войну на фронте — он бы нашел себе лучшее применение. Каково?! Так что мне невыгодно, чтобы эта война заканчивалась.

Гюнтер засмеялся. Но смеяться можно было позволить себе, только пока не кончится сигарета. Впереди еще три операции. Отдыхаешь только когда выскочишь из полевого госпиталя на несколько минут — выкурить сигарету. Сигарету приходится держать пинцетом, чтобы ничем не заразиться. Сегодня опять придется ампутировать. Повреждены не только кости, но и мягкие ткани, слишком большой риск возникновения гангрены. Раньше, в самом начале войны, Гюнтер каждый раз долго решался на ампутацию, — думал, можно ли пойти на риск и обойтись без нее, представлял жен, к которым их мужья вернутся уже на костылях. Теперь эти решения принимались за минуты. Гюнтер больше не думал о чужих женах. Неизвестно, чем закончится эта война. Солдат на костылях или с ампутированной рукой, все-таки может воевать. Нельзя было рисковать ничьей жизнью. Для этой войны уже не хватает людей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ КАРИКАТУРЫ

С самолетов сбрасывали калек. Только не живых, а нарисованных. Они были изображены на листовках. Вместе с красивыми женщинами. Немецкие, русские, английские, американские листовки, — все они были похожи. В них говорилось о том, что пока ты проливаешь свою кровь на фронте, те, кто послал тебя на эту войну, спят с твоей женой. Роскошная женщина с вьющимися белокурыми волосами, в сладострастной истоме закинувшая голову, отдающая свое тело поцелуям американского джентльмена... Красивая, красочная картинка, вспышка радуги посреди войны. Надпись: «Джентльмены предпочитают блондинок». Но переворачиваешь листовку, и там уже никакой радуги, серый фон, безногий калека в военной форме — то, каким ты можешь стать на этой войне. И надпись: «Но блондинкам не нравятся калеки».

Некоторые листовки можно было читать как книги. Листовки-комиксы. Только в дрожь бросает от таких комиксов. В немецких листовках для американцев нарисованным людям давались имена. Богатый еврей Самуэль Леви, похотливый банкир, задирающий платье твоей жене, которая работает у него секретаршей за 60 долларов. Вот они лежат вместе...Банкир с сигаретой в зубах, читающий газету, и рядом с ним — твоя уставшая жена, уснувшая после того, как ей после долго рабочего дня пришлось удовлетворять похоть Самуэля Леви, делающего капитал на войне.

На следующей картинке зловещего комикса — муж, безногий калека, которого случайно встречает вышедшая из машины Самуэля героиня листовки. «Теперь она знает, за кого воюет ее муж и все остальные». Немцев хотели убедить, что пока они на фронте, спят как раз с их женщинами. Вот рука эсэсовца, того, кто остался в тылу, лезет под платье женщины, закрывшей

глаза. Ее грудь уже обнажена, и он похотливо любит ее из-под очков. Большая, жирная рука, срывающая ее чулки. «Для нас на фронте — смерть и тревоги. Нашими женщинами пользуются другие», — авторы листовки говорили от имени всех немецких солдат, «разделяя» с ними беду прелюбодеяния их жен. Чтобы заставить вернуться домой ревнивых солдат, враги изображались на листовках как обманутые герои. Вот немецкий солдат в окопах, нарисованный русским художником. Красивый, мужественный, полный гордой силы, а на другой части листовки его жена и насилующий ее тыловой эсэсовец, похожий на жабу. Которого за штанину пытается оттащить маленькая девочка — дочь погибающего бесславно солдата. Война становилась все более ожесточенной. Слишком у многих дома остались жены. И ревность приводила в ярость больше, чем вражеские пули. Солдаты всех армий торопились убить врагов, чтобы вернуться домой. И узнать: — правда ли их жены изменяют им.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ РЕБЕНОК

Йозеф чувствовал себя неуютно в присутствии Вернера. Вернер знал русский язык, а без него с Людой можно было обойтись только ночью. Когда говорит тело, слова не нужны. Вернер засмеялся перед тем, как перевести то, что услышал.

— Она просит, чтобы ты оставил еще шоколада. Говорит, что если у нее родится ребенок, то она хочет, чтобы он попробовал такого шоколада. Обещает, что будет беречь его для ребенка. И еще она спрашивает, — тут Вернер погрузстнел, — можем ли мы не уходить. Она боится.

— Нет. Скажи ей, что мы не можем остаться. И еще... скажи ей, что я... Скажи ей что-нибудь хорошее. Объясни, что это приказ, я не могу остаться. Но здесь больше нет большевиков. Ей нечего бояться.

Людин ребенок родится за два месяца до «освобождения поселка от немецких захватчиков», хотя управлять им будут уже не немцы, а те жители поселка, которых они назначили. Обезумевшая от страха женщина станет кричать, что ненавидит своего ребенка — это «немецкое отродье», что ее насильничали, и на глазах собравшихся односельчан размозжит ему голову камнем. За ребенка никто не решится вступить, потому что все будут знать, что это дитя, прижитое от фашиста.

Саму Люду расстреляют в тот же день. И только немецкий шоколад, который она берегла, не пропадет.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ПЛАСТИНКА

Лени подарила на день рождения Эльзе джазовую пластинку. Когда-то у Лени был парень, Вилли, он принадлежал к свингующей молодежи, ходил в спортивном клетчатом пиджаке и со свернутым зонтиком под мышкой. Зонтик не от дождя, а вместо униформы. Они с Лени расстались еще до войны. Недавно она узнала, что его убили на фронте. Наверное, Лени не хотела, чтобы ей напоминала о нем старая джазовая пластинка.

— Но...Лени, — растерялась я, — эту музыку ведь не рекомендуется слушать. И Эльза еще слишком маленькая для нее. Джаз, как и любую иностранную музыку, слушать сейчас опасно. По радио передавали, что свингующих надо сажать в концентрационные лагеря.

Лени взяла обратно из рук Эльзы пластинку.

— Я тебе потом подарю что-нибудь другое, — сказала она.

Наверное, Лени испугалась, что девочка может сказать, кто подарил ей такую пластинку. Потом, когда Лени ушла, я видела через окно, как она ломает ее и топчет ногами. А ведь эту пластинку ей подарил Вилли. Я представляю, как они слушают эту музыку вдвоем. Наверное, они целовались под нее.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ВШИ

Безумие войны сказывается во всем. В эти сумасшедшие дни и вши могут стать предметом торговли. Командующий германской армией, прибывший с инспекцией, сказал раненым солдатам в палате: «Вам сегодня дадут по сигарете за каждую вошь, от которой вы избавитесь». Чтобы получить сигареты, солдаты прошили вшей у других солдат, в соседних палатах, куда не зашел командующий. В тот день вши были в цене. Некоторые решались на воровство. Странное, страшное время — когда у тебя могут украсть даже твоих вшей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ ЗООПАРК

Я обещала Эльзе, что если она выздоровеет, то мы поедем с ней в зоопарк. Мы были с ней там в прошлом году, и я сказала, что все животные, и особенно так понравившийся Эльзе бегемотик, скучают без нее и хотят, чтобы Эльза поскорее выздоровела и пришла к ним.

— Они правда без меня скучают? — спросила меня сестренка.

— Правда. Очень, — и я изобразила плачущего бегемота.

Эльза засмеялась.

Когда она выздоровела, мы пошли в зоопарк. В тот день сестренке приснился сон, в котором все звери пришли к нам в гости. И я, слушая веселый Эльзин рассказ, не думала, что сон ее окажется пророческим. Пройдет полтора года, и одна из тех бомб, которые сбрасывают на наш город, угодит в зоопарк. Из своих клеток выбегут звери. Тигры, гепарды, бегемоты будут разгуливать среди руин Берлина. Все поменяется местами. И они будут смотреть на нас, как на диковинных зверей ужасающего зоопарка, запертых в клетках всеобщего безумия.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ ПИСЬМО

«Ваш сын, — писал Йозеф родителям Вернера, — отдал жизнь за фюрера и родное отечество. Он сразу скончался и не испытывал никаких мучений. Он принял свою смерть мужественно. Каждый из нас восхищается его героизмом». Йозефу хотелось, чтобы родители Вернера гордились своим сыном. И чтобы они никогда не узнали, в каких муках он умирал, как звал на помощь, не мог сдержать слез, как он кричал, что ему страшно. Но он все равно умрет героем. Хотя бы для своих родителей.

Заклеивая конверт, Йозеф думал, что пока он еще сильнее этой войны.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

У кого в этот день было хорошее настроение, так это у гинеколога Карла Клауберга, проводившего опыты в концентрационном лагере Освенцим. Он был уверен, что новый метод стерилизации, испробованный им на женщинах-заключенных, окажется эффективным. Сульфат бария и формалин с новокаином. Три или лучше пять инъекций в живот. Тогда яичники становятся нежизнеспособными, а яйцеклетки слипаются между собой. Прелесть. Его маленьким открытием будут довольны. Ведь многим женщинам нельзя предоставлять право рожать. Нация не может позволить себе плодить физически ущербных или умственно неполноценных детей. Рожать будут только те, кому это разрешат. Всех остальных стерилизуют.

Карл уже представлял, как ему вручают какой-нибудь орден — за успешные опыты по удешевлению процесса стерилизации. У него было хорошее настроение. Спустя несколько дней женщины, над которыми ставил опыты Клауберг, сильно заболеют, у большинства начнется воспаление брюшины, многие умрут. Карлу будет казаться, что они это делают ему назло, чтобы он не получил награды.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЛЮБОВЬ

Лени пришла со мной посоветоваться.

— Я недавно получила письмо от Фрица. Он пишет, что больше, чем пуль, боится, что я выйду замуж за кого-нибудь другого. У него скоро день рожденья. Просит, чтобы я сделала ему подарок. Теперь ведь разрешены заочные браки. Как думаешь, выходить за него?

— Ты его любишь? — спросила я. Я знала, что Лени встречалась с Фрицем после того, как рассталась с Вилли. Но мне казалось, что настоящих, подлинных чувств между ними не было.

— Он хороший, — ответила Лени. — Я знаю, что он любит меня. А это уже много. И еще он до войны каждую неделю по пять марок отчислял по программе покупки автомобиля. На «Фольксваген». Еще до встречи со мной. Я когда узнала, сказала, чтоб он цветов мне не покупал, подарков не дарил, но чтобы обязательно продолжал выплачивать эти пять марок. Я думала, что сразу выйду за Фрица замуж, когда у него будет «Фольксваген». Но теперь я не знаю, не пропали ли вклады. Все-таки война.

— Ты его любишь? Ну, хоть немножко?

— Он хороший, — повторила Лени, — и еще он пишет, что так ему будет легче воевать. Зная, что дома его ждет жена. Я надеюсь, что когда он будет женатым, то убьет больше врагов.

Лени вышла замуж за Фрица. Странная церемония бракосочетания, когда ты не знаешь, жив ли твой муж или его убили как раз в ту самую минуту, когда тыставишь свою подпись, свидетельствующую о заключении брака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru